

Дмитрий Силлов

A detailed illustration of a samurai warrior in a dark, atmospheric setting. The samurai is dressed in traditional black attire, including a gi and hakama, and wears a black balaclava that leaves only his eyes visible. He is in a dynamic, crouching pose, holding a long katana high above his head with both hands. The background features large, ornate stone arches and pillars, suggesting an ancient temple or dungeon. A bright, ethereal light source emanates from behind the samurai, creating a strong silhouette and illuminating the surrounding dust or mist. The overall mood is mysterious and intense.

ПУТЬ ЯКУДЗЫ

Дмитрий Силлов

Путь якудзы

Серия «Якудза», книга 3

Текст предоставлен издательством «АСТ»

<https://litres.ru/3477595>

*Дмитрий Силлов. Путь якудзы : Астрель, Астрель-СПб; Москва; 2012
ISBN 978-5-271-42189-1, 978-5-9725-2228-6*

Аннотация

<p>Виктор Савельев потерял всех, кто был ему дорог. Он сбился с Пути, утратил магическую силу ниндзя, но это лишь начало его испытаний.</p> <p>На другом конце земли, в пещерах Антарктиды вот уже полвека готовится к новой войне Четвертый Рейх, возродивший страшное наследие древней цивилизации.</p> <p>Виктор должен проникнуть в логово нацистов и попытаться остановить уже запущенную машину Третьей мировой войны.</p> <p>Это – его выбор. И его война.</p>

Содержание

Часть первая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Дмитрий Силлов

Путь якудзы

Автор выражает благодарность Алексею Лагутенкову за неоценимую помощь в создании этой книги.

Автор ни в коем случае не утверждает, что события, описанные в данном романе, происходили на самом деле. Просто, проанализировав некоторые подлинные документы и сопоставив содержащиеся в них сведения, он предоставляет читателю право самому решить, правда или вымысел то, что написано в этой книге.

Часть первая Лист на ветру

*Осенний лист
Над живой изгородью
Кружит на ветру.*

Мацуо Басё

30 апреля 1913 года, Австрия, Вена

Весна в этом году выдалась нежной и теплой, как пер-

вый поцелуй тирольской пастушки, ощутившей в себе неизведанные ранее чувства. Казалось, что даже древний дворец Габсбургов слегка приосанился и помолодел, словно престарелый альпийский стрелок, завернувшийся в зеленый плащ из буйно распутившейся листвы. Легкий ветерок со стороны Шенбруннского парка невинно заигрывал с прогуливающимися вдоль аллеи парочками, теребя платья девушек и норовя показать сопровождающим их господам немного больше, чем позволяли приличия.

Но сидевшему на скамейке молодому человеку не было никакого дела до окружающего его весеннего великолепия. Он с увлечением читал газету, и, казалось, ничто в мире не было способно оторвать его от этого занятия.

В конце аллеи остановился дорогой экипаж с вензелями на дверцах, свидетельствующих о высоком происхождении его хозяина. Из экипажа вышел господин в строгом костюме, несмотря на жару застегнутом на все пуговицы. Окинув взглядом аллею, он скорчил кислую гримасу и направился к скамейке, опираясь на трость из черного дерева, украшенную массивной серебряной рукоятью. Язык не поворачивался назвать его молодым человеком, хотя это соответствовало бы действительности. Просто на лице этого господина лежала печать давней, всепоглощающей скуки, более приличествующей уставшему от жизни старцу, нежели юноше, едва ли отметившему свою двадцатилетнюю годовщину.

– Добрый день, Август, – произнес господин, подходя к

скамейке. Голос его, тусклый и бесцветный, вполне соответствовал выражению лица.

– Приветствую, Карл!

Молодой человек рывком отложил газету и, вскочив со скамьи, энергично потряс протянутую руку.

Ответное рукопожатие было вялым.

– Только не говори мне, Август, что ты хочешь пригласить меня на одно из ваших собраний. – Господин в костюме кивнул на газету, шапка которой была увенчана черной свастикой. – Меня абсолютно не интересует оккультно-националистический бред, который проповедует ее издатель с изрядно подмоченной репутацией.

– Но почему, Карл? – несколько опешил молодой человек.

– Что плохого в «Остаре» и ее издателе?

Господин хмыкнул и тростью перевернул первую страницу. В его неожиданно уверенном движении специалист сразу бы разглядел признаки хорошей фехтовальной школы.

– «Белокурые арийцы находятся в постоянном конфликте с „черными силами“, которые состоят из славян, евреев и негров, – прочитал он вслух. – Только решение национальной проблемы и сохранение чистоты расы в условиях нового порядка поможет миру спасти цивилизацию». Если мне не изменяет память, это издает бывший монах-цистерианец, выгнанный из монастыря за аморальное поведение и присвоивший себе аристократическое имя.

– Карл, послушай... – попытался протестовать молодой

человек. Но господин перебил его, водя концом трости по строчкам:

– «Недочеловеки не имеют права даже приближаться к истинным арийцам. Дети, рождаемые в смешанных браках, подлежат проклятию, а их матери – публичному наказанию». Даже боюсь представить, куда подобные идеи могут завести тех, кто им последует. При всем уважении, Август, позволь дать тебе совет. Ты хороший музыкант. Так занимайся музыкой и не лезь в то, чего не понимаешь. Ни я, ни мой отец никогда не дадут денег на развитие подобной ереси.

Господин с силой ткнул тростью в газету, надорвав лист, после чего повернулся, намереваясь уйти. Но молодой человек удержал его:

– Подожди, Карл, не кипятись. Прошу тебя, дай мне одну минуту. Я пригласил тебя вовсе не для того, чтобы просить денег.

– А для чего же?

– Я знаю, что ты равнодушен к антиквариату и разным археологическим диковинкам.

Господин, которого называли Карлом, пожал плечами.

– И что?

– Позволь я провожу тебя до конца аллеи. И если мой рассказ тебя не заинтересует, я просто принесу свои извинения за время, которое ты потратил на эту поездку.

Карл неопределенно хмыкнул, пожал плечами и размеренным шагом направился к по-прежнему видневшемуся в

конце аллеи экипажу, возница которого уже успел задремать на козлах.

– Ты слышал о недавнем достижении Руаля Амундсена?

– Еще бы, – фыркнул Карл. – И хотя жаль, что Южного полюса достиг не немец, но надо признать, что иногда и норвежцы способны на подвиги.

Его спутник нагнул голову и тихонько ухмыльнулся.

Карл мог как угодно клеймить издателя «Остары», но Август Кубицек точно знал, откуда растут ноги этого праведного гнева. Идеи Йорга Ланца фон Либенфельса все больше занимали умы молодежи, и отец Карла, хозяин крупного издательства, не мог простить конкуренту ошеломляющего успеха. Хотя сам он был убежденным националистом и наверняка на пару с сыном втайне почитывал «Остару».

– Так вот, – продолжил Август. – Все знают, что Амундсен достиг полюса. Но не все знают, что он оттуда привез.

– Вряд ли что-то можно привезти из царства вечного льда кроме пневмонии и отмороженных пальцев, – с деланным равнодушием произнес Карл, рассеянно помахивая тростью. Однако Август уловил в его голосе нотку любопытства. Его спутник был явно заинтригован.

– Ну... например, славу первооткрывателя, – протянул он.

– Похоже, один мой знакомый музыкант сейчас доиграется, – хмыкнул Карл.

Август рассмеялся.

– Ты все тот же старина Карл, которого я знал все эти го-

ды, хоть и пытаешься напустить на себя светского лоска. Ну ладно, так и быть. Скажу тебе по секрету, что Рауль Амундсен отыскал там кое-что на вершине ледяной башни высотой с собор Святого Стефана, которая торчала прямо посреди снежной пустыни. Этой зимой он был вынужден продать свою находку на закрытом аукционе, так как готовится к новой экспедиции и нуждается в средствах. Но подозреваю, что не только это вынудило знаменитого полярника избавиться от нее.

– Ты забыл сказать, что именно он нашел! – прервал своего спутника Карл. В его голосе слышалось нетерпение.

– Господин фон Либенфельс был на том аукционе и приобрел полярный сувенир Амундсена, – словно не слыша своего спутника, продолжал Август. – И сегодня он демонстрирует его в узком кругу своих знакомых. Кстати, он просил меня передать, что рад был бы видеть тебя на этой вечеринке.

– Вот еще! – фыркнул Карл. – Единственное, что могло бы меня заинтересовать, так это сам полярный сувенир. Но никак не его нынешний хозяин.

– Что ж, если тебе интересна та находка, тогда взгляни.

Небрежным жестом Кубицек вытащил из кармана фотографию и протянул ее своему спутнику.

Карл взял снимок и поднес к глазам.

На фото была запечатлена гостиная зажиточного дома, в центре которой стоял массивный стол старинной работы. На

середине стола отчетливо выделялось большое белое световое пятно.

– Посоветуй фотографу Либенфельса сыпать в фотовспышку поменьше магния, – сказал Карл, возвращая фото.

– Дело здесь не во вспышке, – покачал головой Август. – Этот предмет невозможно сфотографировать. К тому же, если долго находиться рядом с ним, у человека начинаются галлюцинации, в которых он может увидеть своё будущее.

– Да что это за предмет, Август, черт тебя побери! – взорвался Карл. От его светского лоска не осталось и следа. Теперь это был просто рассерженный подросток. Готовый на все, чтобы удовлетворить своё любопытство.

Чего и добивался его спутник.

– А вот это ты узнаешь лишь в том случае, если примешь приглашение Йорга Ланца фон Либенфельса.

Аллея кончилась.

Они стояли около экипажа Карла, запряженного четверкой отменных лошадей. И хотя светская молодежь предпочитала новомодные авто, Карл оставался верен старому, испытанному предками средству передвижения – тем более что тихходные и часто ломающиеся автомобили вряд ли могли угнаться за его породистыми скакунами.

– Дьявол с тобой, поехали! – прорычал Карл, с силой дергая дверцу, отчего экипаж покачнулся и сонный возница от неожиданности чуть не свалился со своего места. Что, однако, не помешало ему отработанным жестом взмахнуть би-

чом, демонстрируя готовность сию же секунду отправляться в путь...

Мягко покачиваясь на рессорах, дорогой экипаж въехал на бульвар Гюртель. Миновав череду роскошных строений, возница, повинуясь указаниям Августа, направил лошадей в аристократические кварталы, находящиеся между Гюртелем и Рингштрассе.

– А Либенфельс неплохо зарабатывает на пропаганде, если может позволить себе покупать апартаменты в таком месте, – проворчал Карл себе под нос.

Август едва заметно улыбнулся. Его спутник всю дорогу был поглощен созерцанием фотографии, вертя ее и так и эдак и чуть ли не пробуя на зуб. Так что его ворчание можно было не принимать всерьез. Настоящему коллекционеру редкостей наплевать, куда ехать для того, чтобы увидеть новую достопримечательность. Даже если это поездка в логово конкурента и идеологического врага.

– Здесь, любезный, – кивнул Август вознице, указывая на трехэтажный особняк, увенчанный остроконечной крышей и облепленный миниатюрными балкончиками.

– И со вкусом у него тоже неважно, – буркнул Карл, вслед за Кубицеком покидая экипаж.

Галантный швейцар у входа поклонился, пропуская гостей в дом.

– Ну и куда теперь?

– Прошу за мной, господа!

Неизвестно откуда появившийся камердинер с седыми бакенбардами и лицом пожилого короткошерстного пинчера провел посетителей по винтовой лестнице в гостиную.

– Подождите здесь, господа, – сказал он. – Господин Йорг Ланц фон Либенфельс скоро будет.

После чего удалился степенной походкой, прикрыв за собой двери.

Это была та самая гостиная, запечатленная на фотографии Августа.

– И какого дьявола мы будем здесь дожидаться? – желчно осведомился Карл, опускаясь в резное кресло.

– Думаю, дьявол нам не понадобится, – усмехнулся Август, направляясь к столу, в центре которого находился предмет, накрытый куском черной шелковой ткани. – Все, что нужно, мы можем увидеть и без него.

Вычурным жестом циркового фокусника Август сдернул ткань с предмета.

– О, мой Бог! – выдохнул Карл, вскакивая со своего места и одним прыжком преодолевая расстояние от кресла до стола. – О, мой Бог!!!

– Да, пожалуй, тут стоит вспомнить о Боге, – задумчиво пробормотал Август, почесывая подбородок. – Этой штуке многие тысячи лет, но по ней этого не скажешь.

На столе, на черной эбеновой подставке лежал человеческий череп, выполненный в натуральную величину из прозрачного материала, напоминающего горный хрусталь. На

гладкой поверхности предмета не было ни единой царапины, но от него веяло настолько седой, чуждой человеку древностью, что даже мысли не возникало усомниться в невероятной истории этой находки. Ибо где еще, как не в царстве вечного льда, на который не ступала нога человека, может сохраниться подобное изделие – немой свидетель иных, канувших во тьму веков цивилизаций.

– Из чего он сделан? – прошептал Карл. – Однородного кристалла горного хрусталя таких размеров не бывает в природе!

– Это так, – кивнул Август. – Более того, мы навели справки – даже если б такой кристалл и существовал, он бы немедленно раскололся при попытке обработать его подобным образом. К тому же вряд ли это горный хрусталь. Алмазный резец не оставляет на нем ни малейшей царапины.

Карл медленно протянул руку к черепу.

– А вот этого делать не стоит, – сказал Август, мягко отводя руку Карла в сторону. – Как я тебе говорил, при контакте с этой штуковиной у человека возникают на удивление реальные галлюцинации...

Голос Августа тонул в мутно-белесой дымке, которая начала сгущаться внутри прозрачного черепа. Карл не мог оторвать взгляда от пустых глазниц, которые вдруг разом словно втянули в себя всё, что до этого было Карлом, оставив снаружи пустую телесную оболочку...

...Тартар был обнесен надежной стеной из грубо тесанных камней, сложенной руками усмирненных титанов. Карл до сих пор не устал удивляться их невероятной физической силе, быстроте движений и мощи излучаемого ими энергетического поля. К счастью для богов, прибывших на эту планету из глубин Вселенной, титаны не умели пользоваться этим неисчерпаемым ресурсом энергии, всецело полагаясь только на физическую силу.

Это их и подвело. Богам было далеко до физического совершенства белокурых титанов.

И сильной ауры у них тоже не было.

Зато у них было оружие.

Карл усмехнулся.

Многого бы стоило Оружие Богов, если бы десяток-другой титанов догадались взглянуть *внутрь* себя, а после, осознав собственную мощь, объединили волю многих в один энергетический удар?

Со своей угловой башни Карл проводил стволом дальнобойного огнемета последнюю цепочку плененных Титанов, входящих в ворота Тартара. Хорошо, что они не догадались. Еще немного усилий – и очередная пригодная для жизни планета войдет в состав Ол-лимпа, Союза звездных систем, объединенных усилиями маленького народа Богов. В незапамятные времена единственный звездолет поднялся с поверхности их умирающей родины, унося в неизведанные просторы космоса все достижения цивилизации. Вернее те, что

смогли поместиться в недрах военного космического корабля помимо Оружия.

Потом была война. И первая захваченная планета. И вторая. И третья. Потом возник Ол-лимп.

Потом пришла очередь этой планеты. И непрекращающейся войны с титанами, оказавшимися неожиданно упорными в борьбе. Высшие Боги даже подумывали о том, чтобы отступить, сбросив на непокорную планету Астравидью¹, мощи которой побаивались даже они сами. Пока кто-то из них не обратил внимание на энергетическое поле титанов. Которое, так и неиспользованное ими, стало оружием против них самих.

Тартар представлял собой что-то вроде промышленного центра, обнесенного каменными стенами. На стенах возвышались башни из того же материала, на вершинах которых дежурили младшие Боги охраны с дальнобойными огнеметами – единственным оружием, способным причинить титанам ощутимый ущерб. Убить титана даже из огнемета было достаточно сложно – их организм обладал поразительной живучестью и способностью к регенерации.

Поэтому убивать их нужно было по-другому.

Вдоль внутренних стен Тартара тянулись жилые бараки и мастерские, в которых плененные Титаны занимались вся-

¹ Астравидья, или «оружие Брахмы», – согласно древнеиндийским текстам, наука владения различными видами божественного оружия либо само название оружия, по описанию напоминающего атомную бомбу.

кой повседневной ерундой типа пошива новой одежды для Богов или ремонта несложной техники. До тех пор пока их не собиралось достаточное количество. А в центре Тартара была площадь – огромное пустое пространство, использовавшееся далеко не каждый день.

Но сегодня как раз был тот самый день. Отряд Артемиды выследил значительную группу титанов и сумел пленить большинство из них.

И сейчас в центре площади Титаны заканчивали выкладывать из бревен громадный деревянный помост. После чего, усилиями Магов лишённые воли и способности к сопротивлению, покорно восходили на него. Иные даже приковывали цепями своих товарищей к торчащим из помоста столбам – по четверо к каждому. Чтобы после встать к соседнему столбу и завести руки за спину в ожидании, когда их запястья обнимет холодная сталь.

Стоящие рядом с охранными башнями Маги изрядно потели, несмотря на прохладное осеннее утро. Удержание под контролем такой толпы Титанов требовало немалых усилий.

Наконец последний пленник был обмотан цепями и надёжно прикован. Стоящий рядом с Карлом Маг облегченно утер пот со лба и обратил взгляд к воротам, створки которых оставались распахнутыми.

– На редкость поганая работенка, Цер-ребер, не находишь? – сказал Маг. – Мы работаем словно Проклятые, а Бессмертным достаётся все.

– На то они и Бессмертные, – резонно заметил Карл, которого только что назвали Цер-ребером. – Я бы помолчал на твоём месте. А то с такими речами недолго и самому стать Проклятым.

Маг опасливо покосился на младшего Бога охраны и ничего не ответил. Возможно, потому, что сейчас в ворота Тартара входил тот, ради кого все это затевалось.

Зев был Верховным Бессмертным. Тем, кто первым открыл энергетическое поле Титанов. И тем, кто научился им управлять.

Правда, было одно «но». Управлять этим полем можно было лишь в тот момент, когда оно покидало тело Титана и невидимым для других шаром света медленно поднималось кверху, к голубым небесам непокорной планеты. Зев – тогда еще Маг низшего посвящения – научился метать эти шары и поражать ими живых Титанов. Иногда энергии шара хватало на то, чтобы уничтожить целый десяток белокурых бестий. Тогда Зев задал себе вопрос – а что будет, если одновременно умрут не один, а сто Титанов? И нельзя ли, метнув этот гигантский шар на значительное расстояние, выжечь целый вражеский город?

Так возник Тартар. Накопитель обреченных, предназначенных стать оружием против своих соплеменников.

Зев взошел на самую высокую башню и поднял руку. Это был сигнал.

Карл обежал вокруг станины, поворачивая подвижно за-

крепленный огнемет в сторону помоста.

Прикованные Титаны расправляли плечи. Контроль Магов больше не подавлял их волю. Но сейчас никто из них не рвался, звеня цепями и пытаясь вырваться из плена. Они все как один спокойно смотрели в лица своих палачей. Лишь на губах некоторых играла презрительная усмешка.

– Не могу привыкнуть к этому, – прошептал все еще стоящий рядом Маг. – Иногда я думаю, кто же из нас Боги – мы или они?

– Бог тот, в чьих руках огнемет, – бросил через плечо Карл, кладя коготь на спусковой рычаг. В его голове промелькнуло, что, пожалуй, стоит после всего доложить в Наследие Предков о крамольных мыслях Мага низшего посвящения.

Зев резко опустил руку...

Щеку Карла опалило огнем.

Потом другую.

Окружающий мир вздрогнул – и вдруг рассыпался прозрачной пылью, колыхающейся в глазницах хрустального черепа.

Карл сидел в кресле.

А над ним стоял Август Кубицек, занося руку для новой пощечины.

– Хватит! – воскликнул Карл, заслоняясь ладонью от удара.

Кубицек стоял над ним, переводя дух, и с тревогой смот-

рел, как наливаются краской бледные щеки Карла. Несомненно, перед ним снова был человек.

– Ты не представляешь, что с тобой произошло, – пробормотал Август, отступая на шаг. – Тебя было невозможно оторвать от стола. И твое лицо... Оно стало другим. Похожим на этот череп...

– Довольно! – бросил Карл. – Ты не знаешь, сколько хочет фон Либенфельс за эту вещь? Неспроста же он пригласил сюда именно меня!

– Я слышал, что-то около ста тысяч английских фунтов. Но неужели ты после всего...

– Непременно! – отрезал Карл. – Но я должен для начала посоветоваться с отцом. У меня нет такой суммы наличными, но, думаю, после моего рассказа отец не откажет.

– Карл, ты мой друг, и, честно говоря, я бы не советовал...

– Я принял решение, – не терпящим возражений тоном произнес молодой аристократ. – Только мой отец ни за что не поедет в дом к фон Либенфельсу, даже если тот привезет сюда меч Зигфрида вместе с живым Зигфридом в придачу. Ты говоришь, что череп невозможно сфотографировать? Охотно верю. Но нет ли у тебя на примете хорошего художника, которому можно было бы доверять и который мог бы детально зарисовать череп, чтобы я мог показать его отцу? Ты знаешь, я в долгу не останусь.

– Ну, в общем... – замаялся Кубицек, – как ни странно, фон Либенфельс также хотел получить рисунок черепа, воз-

можно, чтобы опубликовать о нем статью в «Остаре». И я вчера попросил одного своего старого друга приехать сюда. Он неплохой художник.

– И когда он приедет? – с нетерпением воскликнул Карл. – Я бы хотел получить рисунок немедленно! Фон Либенфельс может и подождать!

Словно в ответ на его слова двери гостиной распахнулись. Камердинер, важно поводя собачьей мордочкой, возник на пороге и осведомился:

– Господа, никто из вас не приглашал художника? Он утверждает, что...

– Приглашали! – в один голос воскликнули Карл и Август. – Конечно, приглашали, просите!

Камердинер поклонился и ретировался.

– А он действительно хороший художник? – спросил Карл. – Отцу важно будет разглядеть детали.

– Он несомненно талантлив, – ответил Август. – Думаю, через сотню лет его картины будут стоять миллионы...

– Господин художник!

Голос камердинера заставил собеседников повернуться к дверям.

На пороге стоял молодой человек в длинном поношенном пальто. Запавшие глаза на бледном лице настороженно смотрели из-под длинной челки, низко спадавшей на лоб.

– Приветствую тебя, мой друг! – воскликнул Август, бросааясь к художнику. – Ты не представляешь, насколько ты во-

время! Познакомься, это мой старый товарищ... – Он указал на Карла, потиравшего щеки в своем кресле.

– Карл, – упреждая пространные излияния Кубицека, бросил молодой аристократ, не считая нужным сверкать громкой фамилией в незнакомом обществе и заранее предупреждая мгновенно разносящиеся слухи о том, что он делает в доме своего врага со следами пощечин на лице.

Художник коротко кивнул, нервно теребя ремешок складного мольберта, висящего у него на плече.

– Адольф Гитлер, – коротко представился он.

* * *

Автозак петлял по переулкам и тесным улочкам столицы, специально не выезжая на широкие проспекты, дабы не травмировать добропорядочных граждан видом передвижной тюремной камеры. Повернув на Энергетическую улицу, крытый фургон, не останавливаясь, въехал в железные ворота, бесшумно распахнувшиеся перед ним и так же плавно и беззвучно закрывшиеся следом.

Во дворе тюрьмы машину ждали трое контролеров, вооруженных автоматами и висящими на поясах дубинками-тонфа. Руководил ими шкафообразный начальник смены с красной повязкой на рукаве, на которой белыми вы-

цветшими буквами было выведено «ДПНСИ»².

– Прибыл, сердешный, – сплюнул на асфальт начальник смены.

Решетчатая дверь, отгораживающая внутренность автозака от выхода и кабины водителя, звякнув засовом, отворилась.

– На выход, – качнул стволом «Кипариса» сопровождающий лейтенант.

Виктор поднялся с узкой лавки и шагнул вперед.

...ДПНСИ задумчиво смотрел на фигуру арестанта, спускающегося по лесенке автозака, которую сразу же окружили автоматчики.

– Значит, особо опасный. Государственной важности.

– Именно так, – кивнул лейтенант.

– Ладно, – хмыкнул ДПНСИ. – У нас тут все государственной важности. Посмотрим, что это за русский якудза международного масштаба. И не таких обламывали...

Виктор шел по запутанному лабиринту унылых, однообразных коридоров. Конвоир, идущий сзади, громко трещал специальным кистевым эспандером, сигнализирующим коридорным о том, что тюрьма обзавелась еще одним государственным преступником.

Но тяжелые потолки, блеклые, унылые стены и вмурованные в них двери камер не производили на Виктора ни ма-

² ДПНСИ – дежурный помощник начальника следственного изолятора (СИЗО).

лейшего впечатления.

Ему было все равно.

Как бывает все равно человеку, которому нечего делать в этом мире.

Потому что у него нет цели.

Потому что его никто не ждет.

Потому что утрачен Путь и абсолютно не имеет значения, где и как ты встретишь завтрашний день...

Цель была всегда. Научиться драться. Выжить в армии. Найти похищенную бандитами сестру. Создать свой бизнес... После, в Японии, – постичь все грани искусства синоби³, преодолев препятствия, непреодолимые для обычного человека⁴.

Потом было море, катер и японская шхуна. И гранатометчик на ней. И выстрел Виктора, поставивший точку в конце еще одного отрезка его жизни.

Потом была российская военная база на острове Шикотан, переезд под конвоем в следственный изолятор № 1 в Южно-Сахалинске, разные следователи, задающие одни и те же вопросы:

– Как вы оказались в Японии?

³ Синоби – японское прочтение китайского иероглифа «ниндзя» (в переводе «человек, умеющий ждать; тайный агент»). В древней Японии ниндзюцу и синобидзюцу были синонимами.

⁴ О приключениях Виктора Савельева, предшествующих описываемым событиям, можно прочитать в романах Дмитрия Силлова «Тень якудзы» и «Ученик якудзы».

- Каким образом оказались на катере?
 - Откуда у вас меч?
 - Почему вы стреляли в японского рыбака?
- И его такие же односложные ответы:
- Прилетел на самолете.
 - Пригласили случайные знакомые.
 - Нашел.
 - Так получилось.

И совсем не надо было разьяснять, что прилетел он в Страну восходящего солнца не по своей воле, что на катере он бежал от убийц-смертников Якудзы, что меч он нашел после того, как потерял, и что в «рыбака» он стрелял потому, что тот стрелял в него.

От него никто не требовал разьяснений. Следователи аккуратно записывали показания, складывали исписанные листочки в папку с надписью «Дело» и, напоследок просканировав подследственного взглядом, каким, вероятно, они бы смотрели на инопланетянина, удалялись по своим следовательским делам.

От человека, попавшего в жернова пенитенциарной системы, практически ничего не зависит.

Он ждет.

Ждет свидания, передачи, письма от родственников, суда, ответа на поданную кассационную, а потом надзорную жалобу, грядущей амнистии... И, конечно, «звонка» – окончания срока приговора.

Но что делать человеку, которому нечего ждать?

У которого нет цели.

Которого никто не ждет...

У сестры уже была своя семья – это он узнал от адвоката еще на Сахалине. Муж, ребенок родился. Ну и дай бог ей счастья. А если руководитель городской организованной преступной группировки, бригадир по имени Вася, еще и деньги сестре шлет, как обещал, – так и совсем хорошо.

Мяука... Что Мяука? Маленькая девочка, оставшаяся в Японии со своей детской любовью. Да любовью ли? Скорее так, увлечение юности. Естественный интерес к белому гайдзину⁵, помноженный на обстоятельства, соединившие их на некоторое время в одной точке пространства. Исчез гайдзин, изменились события, жизнь вошла в другое русло – вот и кончилась первая любовь.

И что остается гайдзину?

Виктор обвел взглядом бесконечные стены московской тюрьмы, куда его за каким-то лядом перевели из сахалинского следственного изолятора.

Гайдзину остается ждать.

Или наплевать на все и не ждать ничего.

Потому что ничего у него не осталось.

Даже *силы*. Которая, поистраченная в схватках и испыта-

⁵ Гайдзин – (яп.) – «иностранец». Без дополнения «коку» («страна») слово приобретает презрительный смысл «чужак», «неяпонец». Применяется в основном к европейцам, в отличие от более близких по менталитету китайцев или корейцев.

ниях, которые он прошел в Японии, не копились, как обещал сихан, а вполне ощутимо вытекала из него, словно кровь из незаживающей раны. Сила не держится ни в маге, ни в человеке, который не стремится к тому, чтобы ее удержать.

– Стоять! Лицом к стене!

Виктор повиновался. Конвоир с нашивкой на рукаве, изображающей двуглавого орла, сжимающего в когтях дубинку и песочные часы, подошел сзади и вставил ключ в наручники.

– Ну что, ниндзя, – тихо сказал он, – ничего не скажешь, нормально ты наших погранцов под цугундер подставил. И понтов в тебе, говорят, как дерьма в параше. Пришло время то дерьмо слить маленько.

Замок наручников тихо щелкнул, металлические браслеты распались. Следом за ними загрохотал камерный замок ближайшей двери, отпираемый другим, намного большим ключом.

– С новосельем, – хмыкнул конвоир.

Из дверного проема пахнуло тяжелым, ни с чем не сравнимым тюремным духом, замешанным на запахе дешевого курева, несвежего белья и разгоряченных духотой потных человеческих тел, дышащих остатками воздуха, многократно прогнанными через лёгкие.

Но сильнее всего было другое.

Ощущением *намерения* тех, кто сейчас находился в камере. Виктор шагнул вперед. Сзади гроыхнул замок, повину-

ясь повороту железного ключа, похожего на небольшой зазубренный топорик.

Виктор огляделся.

Комната площадью метров двадцать. Темно-зеленые стены, покрытые неровной штукатуркой, смахивающей на поверхность рашпиля с плохо замытыми темными пятнами въевшейся крови. Справа раковина и унитаз с надколотым краем. Прямо – вмурованный в пол металлический стол-«дубок» с деревянной столешницей. Вдоль стен расположены четыре шконки – нары, сваренные из металлических полос.

За столом сидели двое и резались в карты, ожесточенно грызя мундштуки зажатых в зубах сигарет. Еще двое лежали на «шконках», лениво переговариваясь между собой и тоже пуская в потолок сизые клубы сигаретного дыма. Распахнутое окно, заваренное частыми железными полосами на манер жалюзи, проветриванию помещения не способствовало, отчего в дымовой завесе фигуры людей казались слегка размытыми и нереальными. Виктор лишь разобрал, что обитатели камеры отличаются габаритным телосложением и обильной волосатостью полуобнаженных мускулистых торсов.

Он задержал дыхание. Впускать в себя витающую в воздухе гадость не хотелось ни под каким видом.

Появление нового персонажа среди старожилов не вызвало никакой реакции. Игравшие по-прежнему метали карты, лежавшие продолжали переговариваться между собой.

Виктор расслабил плечи и закрыл глаза, мысленно переводя организм в режим ограниченного потребления кислорода. Если не двигаться, в таком состоянии можно пробыть до десяти минут. Но он был уверен: все решится гораздо быстрее. *Намерение* людей было очевидным. Сейчас они лишь играли прелюдию перед основным действием. Ради которого они здесь и находились.

Постепенно шум в камере сошел на нет. Подобной реакции на свое присутствие ее обитатели еще не видели.

Не открывая глаз, Виктор *увидел*, как игроки, недоуменно переглянувшись, медленно положили карты на стол и уставились на него. В углу рта одного из лежавших на «шконке» повис тлеющий «бычок», грозя сорваться и упасть за шиворот просторной борцовской майки.

– Смотри-ка, лошарика кондратий обнял, – наконец произнес кто-то.

В ответ раздалась пара смешков. Слегка дрогнувшие темные ленты *намерений* обрели былую уверенность и потянулись к Виктору, словно щупальца спрута. Пока что ощупать. Понять, кто это сейчас «заехал» в хату, почему так себя ведет и не кроется ли за этим какой опасности? Чтобы, поняв, перейти к основному действию.

– Начинайте, – коротко сказал Виктор.

Воздуху было мало. Как *исилы*. И то и другое следовало экономить. Потому как могло не хватить на ответное действие.

– Что начинать? – опешил кто-то.

– То, зачем вы здесь.

– Та-ак, – протянул говоривший. – По ходу, братва, лоша-рик нас учить вздумал и за нас все порешал.

Еле слышный скрип ножек металлической «шконки». Это неторопливо поднялись оба лежавших. Их функция – держать жертву и не мешать двум остальным, которые, опираясь руками на столешницу, сейчас вылезали из-за «дубка».

Намерение стало почти осязаемым. Четыре черных языка протянулись к Виктору от размытых в табачном дыму фигур. От них пахло кровью. И той, которую они уже пролили ранее, и той, которую намеревались пролить сейчас. Похоже, хозяевам языков нравилось их занятие...

Силы оставалось немного.

Виктор ощущал, как слабый огонек трепещет в районе солнечного сплетения. Еще немного – и потухнет совсем.

И, возможно, навсегда.

Это он понял только что.

Конечно, можно было, как учил сихан⁶, решить проблему обычными человеческими методами – зря, что ли, почти год набивал руки-ноги о деревянное бревно? Но почему-то не хотелось, чтобы потом очухавшиеся обитатели камеры продолжали пачкать ее стены чужой кровью.

Исилы оказалось достаточно.

⁶ Сихан – (яп.) – «мастер». Учитель в японских боевых искусствах, по степени мастерства стоящий выше, чем сэнсэй.

Огонь вспыхнул и обжигающей струей ударил вверх – в предплечья, в ладони, в пальцы... Оставалось только сделать два движения – намотать на руку осклизлые ленты чужих *намерений*, а после вырвать эти длинные отростки из груди существ, их породивших. Потому как не поворачивался язык назвать людьми этих двуногих тварей, привыкших безнаказанно измываться над себе подобными...

Кто-то из них вздохнул. Кто-то всхлипнул. Кто-то остановился, словно напоровшись на невидимую преграду, и начал рассеянно шарить по ней руками, будто надеясь отыскать вход.

Но это было уже неважно.

Виктор стоял и ждал. Воздуха оставалось от силы на пару минут, но он был уверен, что этого хватит.

За спиной вновь загремел замок, потревоженный ключом.
– Это самое... Че это с ними? – раздался сзади удивленный голос.

– Не знаю, – сказал Виктор. – Сам не пойму.

Из коридора потянуло сквозняком. Виктор осторожно вдохнул. Терпимо. Теперь можно и глаза открыть.

Конвоир, видимо все время стоявший за дверью, с выражением крайнего изумления на лице прошелся меж тупо смотрящих перед собой фигур. Осторожно ткнул концом дубинки того, что совсем недавно лежал на койке справа и оживленно обсуждал появление в камере «лошарика».

– Ты чего, слышь?

От толчка дубинкой из безвольного рта вместе со стружкой слюны за отворот борцовской майки медленно сполз потухший окурок сигареты. Обитатель камеры покачнулся и с размаху сел на пол, больно ударившись спиной о край железной «шконки». В спине что-то хрустнуло, но упавший даже не поморщился. Когда у человека нет *намерения* чувствовать боль при падении, он ее не почувствует.

– Ну и чё это значит? – невольно дрогнувшим голосом произнес конвоир.

Виктор видел, как бестолково мечутся мысли в глазах этого человека. И его можно было понять – картина была жутковатой. Потому сейчас конвоир пытался подобрать внятное объяснение происходящему, используя набор привычных шаблонов. Тех, что подходили под его *описание мира*. Нормальная реакция обычного человека, столкнувшегося с непонятным.

– Ясно, – вновь обретшим твердость голосом произнес конвоир. – Под дурачков косим. Причем всей хатой⁷. Видать, по карцеру соскучились. Ну-ну.

Объяснение было найдено. Мир вновь стал простым и понятным.

– Ладно, начальство разберется, – бросил конвоир. – Ну, чего встал?

Это уже относилось к Виктору.

– Руки за спину и на выход...

⁷ Хата (жарг.) – камера.

Потом был «боксик» – крохотная камера метр на метр с деревянной лавкой и дверью, упирающейся в колени. Часа через два незнакомый конвоир отвел Виктора в другую камеру.

Это была «одиночка». Такая же железная «шконка», небольшой стол, стул по другую сторону стола с вмурованными в пол ножками, отгороженный цементным бортиком унитаза, раковина. И окно, через которое сквозь щели в частых металлических полосах сочилась струйка пахнущего бензиновым выхлопом столичного воздуха.

Что ж, и на этом спасибо.

Виктор сел на шконку.

И только сейчас понял, как он устал.

Сил не было вообще. Ни в мистическом смысле, ни в обычном, человеческом. Поэтому, подумав, Виктор забрался на нары с ногами и, усевшись на них в позе лотоса, закрыл глаза.

Ведь, если ты действительно хочешь обрести утраченный Путь, тебе не нужно искать для этого особое место. Подойдет любое, даже место на жесткой тюремной «шконке», сваренной из железных полос.

* * *

– И давно он так сидит?

– Да уж порядком.

– Точнее.
– Два месяца и восемь дней.
– И вы ничего не предпринимали?
– Сообщили вашим. Пришел приказ: если живой – не трогать, пусть сидит. Ну мы проверили. Дыхание в норме, хоть и слабое, пульс нитевидный – еле нащупали. На раздражители не реагирует. Как до сих пор жив – непонятно. Не ест, не пьет...

– Самадхи⁸.

– Что?

– Однонаправленная медитация.

– Простите, не понял?

– Неважно.

Майор оторвался от монитора и встал с кресла.

– Проводите меня к нему.

Начальник оперативной части СИЗО с подполковничьи-ми звездами на погонах замялся.

– Но... это опасно.

Майор усмехнулся.

– Как же, слышал, как он вашу пресс-хату⁹ прессанул.

Кстати, они живы?

⁸ Самадхи (санскр.) – «гармония, погружение, завершение». Сверхъестественное, мифическое состояние сознания, одним из методов достижения которого является полное отключение от внешнего мира.

⁹ Пресс-хата (жарг.) – камера, в которой заключенные, специально подобранные администрацией тюрьмы, насильственными методами добиваются от других заключенных выполнения задач, поставленных администрацией.

– Живы, – буркнул подполковник. – Только лучше бы он их поубивал.

– Для кого лучше?

– Для них. Они по сто одиннадцатой¹⁰ шли. А сейчас все на дурке. И, похоже, до конца жизни. Бродят из угла в угол, слюни пускают, бормочут что-то... По мне, так лучше на зоне, но в своем уме.

– Если б что-то случилось с Савельевым, преимущества зоны кое-кто проверял бы на собственном опыте, – жестко сказал майор. – Идемте.

Подполковник пожал плечами. Бывают в жизни случаи, когда старшие по званию подчиняются младшим. Причем беспрекословно...

Майор перешагнул порог камеры. Подполковник сунулся было следом.

– Оставьте нас, – не терпящим возражений тоном сказал майор. – А также отключите видеокамеры и прослушку. И не вздумайте не подчиниться. Вы знаете – у меня есть чем проверить. Когда закончу, вызову вас по мобильнику. Выполняйте.

Подавив желание ответить «есть выполнять!», полковник вышел за дверь. И уже в коридоре удивился сам себе – подобное желание рапортовать и вытягиваться в струнку у него возникало последний раз в Академии МВД эдак с четверть

¹⁰ Сто одиннадцатая – статья 111 Уголовного кодекса РФ. «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью».

века назад, и то после серьезного «косяка». Эх, кабы был этот майор да из другого ведомства...

Сплюнув себе под ноги, подполковник направился в пультовую выполнять приказ, втайне желая, чтобы сейчас попался ему кто-нибудь из подчиненных. Что называется, под «горячую руку»...

Майор неторопливо прошелся по камере, постоял, глядя на неподвижную фигуру, застывшую на «шконке» в позе лотоса, покачался с пятки на носок.

– Ну здравствуй, Виктор.

Фигура безмолвствовала.

Майор неторопливо прошел к центру камеры и, втиснув тело между столом и спинкой стула, расположился с относительным комфортом, положив на изрезанную бритвенными лезвиями столешницу крупные кулаки, расплюснутые штангами и многолетними набивками о твердые предметы.

– Кстати, о самадхи, – сказал майор. – Оно, конечно, штука неплохая. Для тех, кому больше в этом мире делать нечего. Вот Пандита Хамбо-лама Даши-Доржо Этигелов Двенадцатый, как уселся восемьдесят лет назад – так и сидит до сих пор. И закапывали его, и откапывали – а ему все по барабану. А ну как вернуться надумает? Дарума¹¹ вон всего девять лет в самадхи пребывал. А вернулся – глядь, руки-но-

¹¹ Дарума – японская транскрипция имени Бодхидхармы (около 440–528 годы н. э.), индийского монаха, который считается основателем дзен-буддизма и шаолиньского кунг-фу.

ги-то и атрофировались. Ты же еще и полгода не отсидел... Хммм... Каламбурчик получается, – сказал майор, окинув взглядом стены камеры.

Тело, сидящее на железных нарах, продолжало оставаться неподвижным.

Майор прищурился.

– Хорошо. Попробуем по-другому.

Его лежащие на столе ладони сложились вместе. Пальцы переплелись в замысловатую фигуру.

Воздух камеры вдруг словно сгустился, стал плотным и вязким. И в этом воздухе отчетливо стали слышны звуки, несущиеся от лица майора, хотя губы его не шевелились.

– Оннн... Бай... Шшши... Ра...

...Его обнимала Пустота.

И он сам был Пустотой.

Но все-таки между ними существовала какая-то незримая, едва уловимая граница, мешающая Ему слиться с Ней и стать единым целым.

Это невозможно объяснить словами.

Это надо почувствовать.

И он чувствовал эту границу...

И это было плохо.

Тот, кто намерен стать единым целым с Пустотой, не должен чувствовать ничего.

И значило это только одно – он все еще продолжал оставаться человеком...

...И сейчас другой синоби Стихии Земли готовился нанести ему удар, концентрируя сознание в дзюмон¹² «рин»...

Когда ты сам почти стал Пустотой, тебе не надо концентрироваться, произнося магические формулы. Достаточно просто немного изменить окружающее пространство...

Удар был страшным. Майору показалось, что сам воздух камеры вдруг стал твердым, словно ледяная глыба. И эта глыба сдвинулась и, стремительно набирая скорость, понеслась ему навстречу...

Его спас не мышечный корсет и не долгие годы тренировок, в процессе которых тело привыкало реагировать на сокрушающие удары. Просто в последний момент, почувствовав неладное, он успел мысленно вырастить перед собой щит из накопленной для удара энергии...

Железная спинка стула подалась назад, словно была вылеплена из пластилина. Колени ударились о металлический край стола, неровная штукатурка стены больно долбанула по затылку. Удар вышиб из легких весь кислород. Майор почувствовал, как на нижнюю губу из носа брызнула кровь.

И – все.

¹² Дзюмон (яп.) – «заклинание». Магическая формула, при произнесении которой вследствие вызываемых ею вибраций изменяется психическое состояние человека.

Окружающее пространство вновь стало прежним, обычным, словно ничего не произошло. Только напротив майора в позе лотоса сидел молодой парень и смотрел на него пустыми, ничего не выражающими глазами.

– Н-неслабо, – прокряхтел майор, слезая с искореженного стула. – Ну еще раз здравствуй, Виктор...

Потом он закашлялся, выплюнув из легких на пол кусок розовой мокроты.

– Здра-вствуй, ка-питан, – еле слышно прошептал Виктор. Было видно, что слова даются ему с трудом. – Зачем?

– Иначе тебя было не разбудить. Так что с возвращением, – откашлявшись, произнес майор, с некоторой опаской прогоняя через легкие спертый камерный воздух.

Вроде ничего, обошлось. Чуть бы посильнее – и, перефразируя классика, «майор, никогда б ты не стал подполковником».

– Зачем? – повторил Виктор. – У ме-ня сейчас нет двухсот долларов.

– О! – хмыкнул майор. – Похоже, к нам вернулось еще и чувство юмора. Значит, поговорим.

С сомнением посмотрев на кучу металлолома, в которую превратился выдранный из бетонного пола стул, майор подошел к столу и присел на его край.

– Ан-дрей Макаренко, ес-ли не ошибаюсь?..

– Он самый, – кивнул майор...

Отвыкшее от движения тело слушаться не желало. Для то-

го чтобы вновь заставить в прежнем ритме бежать по венам загустевшую кровь, требовалось некоторое время.

– Мне... нужно... минут пятнадцать.

– Понимаю, – кивнул майор. – Только снова в самадхи не выпадай. А мне пока стул принесут.

Он машинально потер грудь. Виктор еле заметно усмехнулся и закрыл глаза...

Оперативника майор вызвал по мобильнику, вкратце объяснив ситуацию и не вдаваясь в подробности относительно причин ее возникновения. Тот появился через несколько минут в сопровождении двух «хозбыков»¹³, сноровисто выдравших из пола остатки стула и водрузивших на его место новый. На немой вопрос опера Макаренко покачал головой:

– Свободны. Понадобитесь – вызову.

Оперативник не посмел послушаться.

Виктор открыл глаза практически сразу после того, как захлопнулась дверь за опером и «хозбыками».

– Зачем? – повторил он вопрос.

– Надо, Виктор, – ответил Макаренко, вновь усаживаясь за стол. – Жизнь, как ты помнишь, спиралью заворачивается. И вот, как видишь, мы с тобой опять пересекаемся на новом витке.

На майоре была надета обычная военная форма, которую носили все сотрудники СИЗО.

¹³ «Хозбыки» (жарг.) – заключенные, выполняющие в местах лишения свободы работы по хозяйственному обслуживанию.

По покрою.

Но не по цвету.

Цвет майорского кителя был намного темнее – он был практически черным.

А еще имелось некоторое отличие в петлицах. Нет, щит и меч были стандартными, только поверх них имелась накладная металлическая буква «К».

Майор перехватил взгляд Виктора.

– Заметил? – усмехнулся он.

– Заметил, – сказал Виктор. – Кто вы?

– Комитет по предотвращению критических ситуаций. Или проще – группа «К».

– Никогда о таком не слышал.

– И не услышишь, – кивнул Макаренко. – Комитет – а тогда он назывался комиссариатом – был образован практически вместе с НКВД сразу после революции. Основной задачей этой структуры была внешняя стратегическая разведка, а также предупреждение действий других стран, направленных на подрыв советской власти в России. Позднее к функциям группы «К» прибавился негласный контроль над всеми структурами НКВД, а также антидиверсионная деятельность стратегического масштаба.

– Как я понимаю, кроме названия, в группе «К» ничего не поменялось.

– Точно, – сказал Макаренко.

– И что же такой сверхсекретной структуре нужно от ме-

ня?

– Для начала послушай вот это.

Майор достал из внутреннего кармана кителя маленький серебристый диктофон, поставил его на стол динамиком к Виктору и нажал на кнопку.

Сначала из динамика раздался треск, похожий на пулеметную очередь. Потом сквозь шум чей-то еле слышный голос прокричал:

– Нам не прорваться!.. Здесь кругом эсэсовцы!.. Передайте родным – мы их любим!.. Ребята, прощайте... Слава России!..

Последние слова потонули в нарастающем треске выстрелов.

Макаренко протянул руку и нажал на кнопку диктофона. В камере повисла гнетущая тишина.

– Запись времен Отечественной войны? – после паузы спросил Виктор.

– Эта запись сообщения, переданного через низкоорбитальную систему «Иридиум». Сделана два дня назад.

– Кажется, там было что-то про эсэсовцев, – заметил Виктор. – Я не ошибся?

– Не ошибся, – вздохнул Макаренко. – И для того, чтобы ты что-то понял, мне надо рассказать тебе одну историю. Не возражаешь?

Виктор сделал попытку пожать плечами.

Она почти удалась. Организм постепенно восстанавли-

вался после двухмесячного отсутствия движения. Но для полного возврата к прежнему состоянию требовалось еще некоторое время.

– Не возражаю, – сказал Виктор. – С некоторых пор мне некуда торопиться.

– Тогда для начала я напомним кое-что из школьного курса истории, – сказал майор, убирая диктофон. – В семнадцатом году прошлого века в России произошла социалистическая революция. Вследствие которой новообразованная республика РСФСР третьего марта тысяча девятьсот восемнадцатого года, подписав в Бресте мирный договор, прекратила участие в Первой мировой войне и была вынуждена пойти на значительные уступки перед Германией, Австро-Венгрией и Османской империей. Правительству новой России просто ничего не оставалось делать – английские, французские и американские войска Антанты уже готовили высадку в Мурманске, японцы грозили Владивостоку, набирало силу Белое движение.

Однако в ноябре того же года в Германии также произошла пролетарская революция, позволившая Советской России разорвать Брестский мир и вернуть себе большую часть утраченных территорий. После чего РСФСР успешно избавилась от своих внешних и внутренних врагов и победоносно завершила Гражданскую войну.

Чего нельзя сказать о Германии.

В следующем, тысяча девятьсот девятнадцатом году она

была вынуждена подписать унижительный для нее Версальский мирный договор с победившей Антантой и рядом других стран, участвовавших в Первой мировой войне. Согласно этому договору Германии разрешалось иметь крайне малочисленную сухопутную армию, пригодную лишь для полицейских акций, но никак не для обороны страны.

Между тем новая Россия продолжала превращаться в мощное государство, расширяя территории за счет присоединяемых республик и наращивая военно-промышленный потенциал. Что, естественно, не могло понравиться государствам Антанты, еще не до конца оправившимся от шока поражения, нанесенного войскам интервентов в Гражданской войне.

Кстати, надо отметить, что тон в борьбе против Советской России задавала Англия, видя в ней «угрозу цивилизации». Но, обжегшись однажды, империалисты не спешили повторять своих ошибок. На этот раз они решили действовать чужими руками.

В Германии неожиданно начинает набирать силу небольшая политическая партия, впоследствии получившая печально известное название НСДАП, то бишь Национал-социалистическая рабочая партия Германии.

Первым солидным финансовым источником партии стал генерал-лейтенант Франц Ксавье Риттер фон Эпп, принимавший непосредственное участие в кровавой расправе с Баварской Советской Республикой и одновременно являвшийся-

ся завербованным агентом английской разведки. А главой партии становится молодой член НСДАП, до тысяча девятьсот девятнадцатого года никакими особенными способностями не отличавшийся, но внезапно поразивший всех незаурядными ораторскими способностями. Звали его Адольф Гитлер...

Макаренко достал из нагрудного кармана серебристую авторучку и принялся задумчиво вертеть ее между пальцами.

Виктор продолжал сидеть неподвижно, сочетая необходимое с неизбежным, – тело постепенно возвращалось к жизни, а информация, выдаваемая майором, поневоле фиксировалась мозгом. Любопытная, конечно, информация, но вот нужная ли? Посмотрим...

– Это факты, что называется, исторические, – продолжал Макаренко. – А теперь немного информации, широким кругам преимущественно неизвестной.

В тысяча девятьсот тринадцатом году из дома отца национал-социализма Йорга Ланца фон Либенфельса пропал раритет – хрустальный череп, по слухам обладавший мистическими способностями. В частности, он вызывал галлюцинации, в процессе которых человек, находящийся поблизости от него, мог наблюдать видения далекого прошлого нашей планеты. Также, по утверждению фон Либенфельса, которое он высказывал в одном из своих писем, череп несоизмеримо поднимал интеллект его владельца, превращая того в великого стратега и полководца. Возможно, это действи-

тельно так. Неслучайно же в тысяча девятьсот сорок пятом году в Нью-Йорке было создано Международное общество кристаллических черепов, которых в настоящее время на нашей планете найдено около пятидесяти. А во время Второй мировой войны агенты общества «Аненербе», входящего в структуру СС, активно искали эти черепа по всему свету. Известен случай неудачного ограбления в сорок третьем году бразильского музея, в коллекции которого имелся такой череп. Задержанные эсэсовцы показали на допросе, что прибыли на секретном судне Абвера¹⁴

¹⁴ Абвер (нем. «Abwehr») – «оборона». Орган военной разведки и контрразведки Германии в 1919–1944 годах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.